
ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ И ИРАНА В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРОПОРЯДКА

Абылгазиев И. И., Васецова Е. С.*

Целью статьи является изучение взаимоотношений Китая и Ирана в контексте трансформации мирового порядка. Кратко подведем итоги исследования. Наиболее активно сотрудничество между Китаем и Ираном развивается в сфере экономики, энергетики, обеспечения инфраструктурной составляющей, а также в военно-техническом направлении. Сотрудничество сторон носит взаимодополняющий характер. В последние годы стороны пришли к уровню сотрудничества, которое охарактеризовали как всеобъемлющее стратегическое партнерство. В то же время, развивая партнерские отношения с Тегераном, Пекин избегает участия в региональных конфликтах и воздерживается от принятия решений, которые впоследствии могут негативным образом сказаться на экономическом положении страны.

Ключевые слова: *Китай, Иран, ирано-китайские отношения, Ближний Восток, США, концепция «государств-изгоев».*

The aim of the article is to study the interaction between China and Iran in the context of the transforming world order. The authors summarize the results of their study. The development of the cooperation between China and Iran is more active in the sphere of economy, energy, providing infrastructure component, as well as in the military-technical direction. The cooperation between the parties is complementary in its character. In recent years, China and Iran have reached a level of cooperation, which can be described as a comprehensive strategic partnership. At the same time, by developing partnership relations with Tehran, Beijing avoids participation in regional conflicts, and refrains from making decisions that can subsequently have a negative impact on the economic situation of the country.

Keywords: *China, Iran, Iran-China relations, the Middle East, the USA, the concept of the rogue states.*

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью изучения роли взаимоотношений Китая и Ирана в новых условиях, определяющих процессы, происходящие в мировой политике. По общему мнению, в наши дни очевидным является тот факт, что система международных отношений переживает процесс глу-

* Абылгазиев Игорь Ишеналиевич – д. и. н., профессор, заведующий кафедрой геополитики факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, директор Института стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова.

Васецова Елена Сергеевна – к. полит. н., доцент кафедры «Политология Востока» Института стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: vasetsova. es@yandex.ru.

бокой трансформации, во многом явившейся следствием глобализации [Цыганков 2014], которая усугубила существующие противоречия, приобретшие совершенно новый масштаб. Важнейшим результатом глобализации стало обострение межгосударственной конкуренции в различных сферах на фоне усиливающейся потребности в согласованных действиях различных акторов мировой политики. Ситуацию осложняет борьба коллективного Запада во главе с США за удержание лидирующих позиций на мировой арене, которая усиливает дестабилизацию целых регионов мира. Турбулентность и общая хаотизация системы международных отношений – факторы, определяющие мировое развитие [Внешняя... 2015].

Целью статьи является изучение взаимоотношений Китая и Ирана в контексте трансформации мирового порядка. Выделим следующие характеристики формирующегося миропорядка, которые во многом определяют логику поведения акторов в новых условиях:

1. Складывающийся миропорядок представляет неустойчивую, гибкую, подвижную систему, чей точный состав акторов не может быть определен.

2. Разнородность и разнонаправленность акторов обуславливают их малопредсказуемость и множество вариантов разных внешнеполитических нарративов.

3. Общая неустойчивость системы мировой политики усиливает заинтересованность в поиске общих путей позитивного взаимодействия формирующихся центров силы.

В новых условиях происходит постепенное формирование новых центров силы, которое определяет динамику отношений государственных и негосударственных акторов мировой политики. Руководство США, которое после окончания холодной войны, казалось бы, утратило явных противников, обозначило своих новых соперников, которых объединило под названием «государства-изгои» (*rouge states*). «Советская угроза» осталась в прошлом, и США сосредоточили внимание на сдерживании возможных региональных угроз, заполнив таким образом образовавшийся «вакуум угрозы» [Бартенев 2009]. Иран уже несколько десятилетий входит в число «государств-изгоев». Несмотря на потепление американо-иранских отношений в период президентства Б. Обамы, нынешний президент США Д. Трамп взял курс на ужесточение политики в отношении Тегерана.

В начале 2018 г. американский лидер выступил с ежегодным посланием «О положении в стране» (State of the Union Address), обращаясь к обеим палатам конгресса. В послании выделены в качестве угроз для США «режимы-изгои», к которым президент Соединенных Штатов отнес КНДР и Иран, а также Китай и Россию. Последние, по мнению Д. Трампа, «бросают вызов ценностям и экономике» США. Опасность, исходящая от Ирана, прежде всего связана с возможностью разработки программ баллистических ракет [Россия... 2018].

Президент вскоре начал претворять отраженные в послании идеи в жизнь. В мае 2018 г. американский глава государства выступил с заявлением, обнародовав решение об одностороннем выходе Вашингтона из соглашения с Ираном, заключенного в 2015 г. «Большой шестеркой» международных посредников, в которую входят Россия, США, Китай, Великобритания, Германия, Франция. США восстановили действие санкций, в том числе и вторичных, приостановленных в результате договоренностей. Госсекретарь США М. Помпео выступил с программной речью, в которой содержится 12 требований к Ирану. М. Помпео подчеркнул, что только при условии их выполнения США прекратят политику сдерж-

живания Ирана. К основным требованиям относятся ядерное нераспространение и изменение политического курса в регионе [Зариф... 2018].

В апреле 2019 г. американский лидер принял беспрецедентное решение признать элитное подразделение армии Ирана – Корпус стражей исламской революции (КСИР) – террористической организацией [Shinkman 2019]. Д. Трамп убежден, что КСИР активно поддерживает и финансирует терроризм, ставший средством для достижения целей руководства Ирана [*Ibid.*]. Таким образом, впервые США признают террористической организацией структурное подразделение армии другой страны. Данный шаг не нашел поддержки у Пентагона и разведывательных служб США, которые предостерегли о создании дополнительных рисков для американских военных на Ближнем Востоке [Trump... 2019]. В качестве ответной меры Тегеран признал США «государством – спонсором терроризма», а Центральное командование вооруженных сил США – террористической организацией [Iran... 2019].

Официальный представитель МИД РФ М. Захарова прокомментировала внесение КСИР в список террористических организаций как продолжение линии на «демонизацию» Ирана и оказание на страну максимального давления [В МИД... 2019]. Отметим, что российско-иранское взаимодействие усиливается как результат на возрастающее давление со стороны США и их союзников, а также под влиянием Астанинского процесса, который способствует сглаживанию противоречий между Москвой, Тегераном и Анкарой.

Наряду с принимаемыми против России и Ирана мерами Д. Трамп подписал меморандум о введении торговых ограничений против Китая. Весной 2018 г. было объявлено о введении пошлин на ввоз китайских товаров и инвестиционные ограничения. В течение 2018 г. напряжение между США и КНР из-за введения пошлин возрастало и достигло такой силы, что в прессе действия сторон получили название торговой войны [Трамп... 2019]. В июне Трамп обвинил Китай в краже американской интеллектуальной собственности и технологий, а также несправедливой торговой практике. На основании выдвинутых обвинений американское руководство ввело 25 % пошлины на импортируемые из КНР товары на сумму 50 млрд долларов. Власти КНР отреагировали незамедлительно ответными тарифами применительно к аналогичной стоимости импортируемой американской продукции [Трамп... 2018]. В результате потери от пошлин оцениваются каждой из сторон в 34 млрд долларов.

В декабре 2018 г. Вашингтон и Пекин достигли договоренности о 90-дневном торговом перемирии сроком до марта 2019 г. В марте 2019 г. американское руководство сообщило о принятии решения отложить введение новых пошлин для КНР и потребовало от властей Китая, чтобы те, в свою очередь, отменили все пошлины на американскую сельскохозяйственную продукцию [Трамп... 2019].

Таким образом, внешнеполитический курс США во многом предопределил дальнейшее сближение Китая и Ирана. Государства вынуждены преодолевать последствия политики коллективного Запада, который стремится подчинить их своей воле и экономическим интересам.

Ближневосточный регион традиционно представляет большой интерес для внерегиональных акторов, обусловленный прежде всего его уникальным геостратегическим положением, ресурсным потенциалом, значимостью святых мест для миллионов верующих во всем мире. Помимо США, которые по-прежнему явля-

ются одним из основных внерегиональных игроков, в последние годы усиливается роль КНР в Ближневосточном регионе. Разница в подходах США и КНР к выстраиванию отношений со странами региона огромна. В отличие от Вашингтона, активно использующего силовые методы борьбы и различные способы оказания давления на неудобные режимы, Пекин делает ставку на формулу партнерства, которая стала одним из главных инструментов внешней политики КНР. Цель стратегии – установить разнообразные по форме и содержанию партнерские отношения с государствами, межгосударственными организациями по всему миру. Формула партнерства является очень гибкой, заметно отличаясь в зависимости от условий ее применения, и обеспечивает для Китая благоприятный внешнеполитический климат.

По мнению известного синоведа В. Я. Портякова, институт партнерства позволяет руководству Китая одновременно решить несколько задач. Посредством развития партнерских отношений Пекин сглаживает острые противоречия в двусторонних отношениях с наиболее сложными для ведения диалога странами – США, Японией. Таким образом, формула партнерства способствует укреплению безопасности КНР. Также данная стратегия существенно благоприятствует налаживанию отношений КНР с различными акторами международных отношений и снижает существующие опасения относительно так называемой китайской угрозы [Портяков].

Иран – одна из ключевых стран региона, с которой Китай выстраивает партнерские отношения. Помимо внешнего фактора, о котором уже было сказано, высокий уровень взаимодействия Китая и Ирана обусловлен взаимной заинтересованностью сторон друг в друге, основанной на взаимодополняемости. КНР нуждается в диверсификации структуры энергопотребления, а Иран – в китайских инвестициях. Последний занимает второе место по разведанным запасам природного газа и четвертое место по запасам сырой нефти. Китайские компании сыграли важнейшую роль в развитии нефтедобычи и нефтепереработки в Иране. Для Китая эта страна является важнейшим поставщиком углеводородов, поскольку ее географическое расположение позволяет избежать угроз, которые могут возникнуть для китайских танкеров в Ормузском проливе [Казанин 2015]. В условиях действия международных санкций Тегеран нашел в лице Китая надежного партнера по развитию энергодиалога.

Китайская сторона активно инвестирует в различные долгосрочные инфраструктурные проекты – строительство дорог, мостов, объектов водной транспортной инфраструктуры, судов для перевозки сжиженного природного газа. В период с 2005 по 2013 г. китайские бизнес-структуры инвестировали в строительство дорог, мостов и тоннелей 16,8 млрд долларов США [Там же].

Ирано-китайский товарооборот характеризуется стабильным ростом. В период 2005–2013 гг. торговля показала рост с 10 до 39 млрд долларов. Несмотря на незначительное снижение объемов торговли в 2009 и 2012 гг., связанное с международными санкциями, продолжался общий рост товарооборота [Abdo 2018]. В 2014 г. торговля между сторонами достигла своего максимума, составив 52 млрд долларов США, затем наблюдалось падение товарооборота, а в 2017 г. произошел его рост [Trading... 2018].

Большие надежды на развитие ирано-китайского сотрудничества стороны связывают с реализацией проекта «Один пояс – один путь», предложенного в 2013 г.

председателем КНР Си Цзиньпином. Данная международная инициатива Китая направлена на создание и развитие новых и уже существующих торговых путей, транспортных коридоров, активизацию многосторонних торгово-инвестиционных проектов. В перспективе «Один пояс – один путь» свяжет более чем 60 стран Центральной Азии, Европы и Африки [Стратегия... 2017] и выведет сферу торгового взаимодействия между участниками проекта на новый уровень.

Власти Ирана с одобрением встретили китайскую инициативу, и в 2016 г. во время визита Си Цзиньпина в Иран было заключено 17 двусторонних соглашений, в том числе договор о строительстве атомных электростанций и поставках в Китай иранской нефти в долгосрочной перспективе [Белоглазов, Хафизова 2017]. Стороны договорились о расширении торгово-экономического сотрудничества в последующие 25 лет, а также о повышении товарооборота в десятилетний период [Китай и Иран... 2016].

Постепенно идет процесс подготовки включения Ирана в проект «Один пояс – один путь». Так, в 2016 г. посредством привлечения китайских инвестиций был введен в эксплуатацию один из отрезков проекта – железнодорожный грузовой маршрут, связывающий Китай с Ираном через Казахстан и Туркменистан. Связующим звеном маршрута стала железнодорожная линия Горган – Инче-Бурун – Этрек – Берекет, в результате чего вертикальные маршруты международных транспортных коридоров «Север – Юг» оказались связанными с горизонтальными маршрутами «Один пояс – один путь», проходящими через Центральную Азию. Чтобы обеспечить максимальное включение Ирана в проект, китайская сторона выделит ему беспроцентные кредиты на улучшение инфраструктуры [Белоглазов, Хафизова 2017].

По заявлению МИД КНР, сделанному в марте 2019 г., Пекин и Тегеран усилят координацию взаимных позиций и предпримут дополнительные шаги для реализации проектов по данной международной инициативе. Глава иранского МИД Мохаммад Джавад Зариф отметил заинтересованность Тегерана в развитии всеобъемлющих отношений стратегического партнерства с Пекином. Он подчеркнул, что Иран будет активно участвовать в совместной реализации инициативы «Один пояс – один путь». Также господин Зариф добавил, что его страна готова к конструктивному диалогу с Китаем при решении важных региональных вопросов [Китай и Иран... 2019].

Стороны развивают военно-техническое сотрудничество, хотя найти достоверную информацию относительно данной сферы взаимодействия затруднительно. Тегеран стремится обеспечить национальную безопасность и ощущать уверенность на региональном поле, для чего оборонно-промышленный комплекс КНР поставляет иранской стороне разного рода вооружения и военную технику, которая впоследствии адаптируется к местным условиям. Помимо этого, Тегеран получал от Пекина помощь в строительстве, оснащении центра ядерных исследований в Исфahanе. По данным ряда источников, китайская сторона передала Ирану два исследовательских реактора и один термальный реактор небольшой мощности [Казанин 2015].

Рассмотрим динамику взаимоотношений Ирана и Китая с точки зрения ответа на вопрос, можно ли считать степень их взаимодействия достаточной для того, чтобы сделать вывод о формировании нового центра силы. На первый взгляд может показаться, что на данный вопрос возможно дать утвердительный ответ. Еще

в 2016 г. стороны заявили о том, что договорились об установлении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства, залогом которого является стабильное и долгосрочное сотрудничество в энергетической сфере. На пресс-конференции, проведенной по итогам встречи с президентом Ирана Х. Роухани, председатель КНР отметил, что Иран и Китай полностью уверены в уровне политического взаимодействия и намерены поддерживать друг друга в вопросах, представляющих взаимный интерес. Си Цзиньпин также подчеркнул, что дальнейшее укрепление отношений между сторонами относится к их долгосрочным интересам [Си Цзиньпин... 2016].

Сотрудничество сторон не только охватывает сферу экономики и энергетики, но и находит свое выражение в региональном формате взаимодействия. По утверждению иранского лидера, Пекин и Тегеран договорились укрепить сотрудничество в обмене разведывательной информацией и совместной борьбе с региональными угрозами, терроризмом и экстремизмом: «Мы обсудили вопросы сотрудничества в сфере безопасности, чтобы помочь таким странам, как Сирия, Йемен, Афганистан, которые находятся в опасности. Мы будем укреплять обмен разведывательной информацией и тем, как совместно бороться с терроризмом» [Там же].

Несмотря на столь высокий уровень сотрудничества, оценивать сближение сторон как формирование нового центра силы преждевременно. На ближневосточном направлении Пекин действует крайне осторожно, избегая вовлечения в геополитические, религиозные, экономические противоречия и вооруженные конфликты, раздирающие регион. Пекин делает ставку на развитие партнерских отношений с государствами региона, основанных преимущественно на экономической экспансии. Показательно в данном плане дистанцирование китайской стороны от ирано-саудовских напряженных отношений. Руководство КНР развивает экономическое сотрудничество как с Тегераном, так и с Эр-Риядом. Замминистра иностранных дел Китая Чжан Мин, посетивший обе столицы в рамках подготовки визита председателя КНР в 2016 г., призвал стороны «проявлять сдержанность и спокойствие», а текст его речей в обеих враждующих столицах был практически идентичен, и это свидетельствует о том, что Пекин не выделяет Тегеран как «особого» партнера [Китай приближает... 2016].

Власти КНР планируют использовать формулу «1 + 2 + 3» в отношении региона, не выделяя некие страны в качестве приоритета для развития сотрудничества. Под первым пунктом подразумевается развитие существующего сотрудничества в сфере традиционной энергетики, реализация второго пункта связана с достижением новых договоренностей в области инфраструктуры и торговли. Третий пункт должен обеспечить прорыв в энергетике и аэрокосмической сфере [Китай приближает... 2016].

Руководство КНР дистанцируется от участия в сирийском конфликте, борьбы с ИГ** в Ираке, йеменском кризисе. Так, несмотря на растиражированные в СМИ заявления о том, что КНР готова ввести в Сирию воинские контингенты [China... 2018], данная информация до сих пор не нашла своего официального подтверждения [Aboufadel 2017].

В 2018 г. формат астанинского переговорного процесса, странами-гарантами которого являются Россия, Турция и Иран, по инициативе Тегерана было предло-

** Запрещенная в РФ террористическая организация.

жено расширить за счет включения Китая. Но Пекин не пошел на данный шаг. Очевидно нежелание китайского руководства связывать себя долговременными обязательствами по участию в вооруженном конфликте и последующем послевоенном восстановлении страны.

Завоевание ИГ значительных территорий Ирака (по состоянию на 2015 г. террористическая организация контролировала от 20 до 25 % территории страны) [Васецова 2016] серьезно дестабилизировало ситуацию в государстве. Данное обстоятельство крайне неблагоприятно сказывалось на положении Китая, который в 2014 г. был лидером по размерам инвестиций в нефтегазовую отрасль страны. Однако даже столь высокая вероятность серьезного ущерба не вынудила китайское руководство пойти на военные меры, и фактически защиту китайских интересов в Ираке во многом взял на себя Тегеран.

Примером стремления Пекина занять нейтральную позицию относительно региональных конфликтов является йеменский кризис, который продолжается с 2015 г. Также Пекин проводит взвешенную политику в выстраивании внешнеполитического курса с Тегераном, избегая прямой поддержки иранской стороны по спорным вопросам мировой повестки дня. Так, несмотря на партнерские отношения, в феврале 2018 г. Китай воздержался от голосования в СБ ООН относительно проекта резолюции, которая обвинила Иран в поставках оружия одной из сторон конфликта – хуситам [Ракетные... 2018]. Полагаем, что сдержанная позиция руководства КНР по данным вопросам является следствием осознанного выбора. Пекин избегает втягивания в вооруженный конфликт.

Руководство Китая занимает сдержанную позицию относительно возможного вступления Ирана в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Иран имеет статус наблюдателя в организации с 2005 г., а в 2008 г. была подана заявка на вступление. За стремлением Исламской Республики стать членом ШОС стоит желание укрепить свои позиции на мировой арене, преодолеть изоляцию. И Москва, и Пекин осознают, что вступление Ирана в ШОС спровоцирует рост напряженности во взаимоотношениях с США и их союзниками и встретит сопротивление со стороны региональных антииранских сил, прежде всего Саудовской Аравии. Россия и Китай не пошли на подобный риск, и в 2012 г. по их инициативе в Уставе ШОС появилось новое положение, в соответствии с которым принятие в Организацию нового члена, находящегося под санкциями ООН, невозможно.

Впрочем, в последние несколько лет ситуация с вопросом о возможном вступлении в ШОС Ирана претерпела существенные изменения. Антироссийские санкции, торговая американо-китайская война, рост напряженности в Южно-Китайском море привели к тому, что все больше акторов рассматривают вступление Ирана в организацию как некое решение, выгодное странам – участницам ШОС и самой организации как евразийской региональной структуре [Шакарянц 2018]. В новых условиях Пекин не стал выступать с активной поддержкой Тегерана, в июне 2017 г. ограничившись лишь заявлением помощника министра иностранных дел КНР о поддержке намерения Тегерана стать полноправным членом ШОС [Там же].

Таким образом, наиболее активно сотрудничество между Китаем и Ираном развивается в сфере экономики, энергетики, обеспечения инфраструктурной составляющей, а также в военно-техническом направлении. Сотрудничество сторон носит взаимодополняемый характер. Иран будет продолжать поставлять энерго-

носители Китаю и позволит своему азиатскому партнеру разрабатывать различные месторождения.

Иран является важнейшим партнером по реализации проекта «Один пояс – один путь». В последние годы стороны пришли к уровню сотрудничества, которое охарактеризовали как всеобъемлющее стратегическое партнерство.

В то же время, развивая партнерские отношения с Тегераном, Пекин избегает участия в региональных конфликтах и воздерживается от принятия решений, которые впоследствии могут негативным образом сказаться на экономическом положении страны. В данном плане отношения Китая и Ирана не достигли уровня взаимодействия как одного из центров силы формирующегося регионального порядка, и Пекин не ставит подобную задачу. Китайское руководство настроено на получение прежде всего материальных выгод от развития сотрудничества. Политическое взаимодействие сторон связано прежде всего с обоюдным нежеланием усиления США и их союзников в регионе, однако Пекин не пойдет на решительные шаги, которые могут быть расценены коллективным Западом как враждебные. Внешнеполитическая стратегия Китая имеет цель избежать прямой конфронтации со столь сильным противником и делает ставку на подъем экономики страны путем развития партнерских отношений с максимально большим числом акторов. Пекин не видит противоречия между критикой однополярного мира и продолжением экономического сотрудничества с союзниками США на всей планете.

Литература

Бартенев В. Концепция «государств-изгоев» во внешней политике США // Международные процессы. 2009. № 1. С. 84–92.

Белоглазов А. В., Хафизова Э. И. Политика России и Ирана в Каспийском регионе в контексте китайского проекта «Один пояс – один путь» // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 8. С. 14–17.

В МИД России прокомментировали решение США внести КСИР в список террористов. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190411/1552604715.html> (дата обращения: 14.04.2019).

Васецова Е. С. Исламское государство как шаг на пути к конфликту цивилизаций? // Век глобализации: исследование современных глобальных процессов. 2016. № 1–2. С. 96–101.

Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности / под ред. П. А. Цыганкова. М. : Русайнс, 2015.

Зариф не исключил возможности совместной работы с США. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20180621/1523109332.html> (дата обращения: 14.04.2019).

Казанин М. В. Особенности стратегического партнерства Китая и Ирана. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=24841> (дата обращения: 14.04.2019).

Китай и Иран усилят сотрудничество по проектам инициативы «Один пояс – один путь». 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6199104> (дата обращения: 14.04.2019).

Китай и Иран установили отношения всеобъемлющего стратегического партнерства. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2899996> (дата обращения: 14.04.2019).

Китай приближает к себе Ближний Восток. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommer-sant.ru/doc/2896108> (дата обращения: 14.04.2019).

Портяков В. Я. Партнерство как инструмент современной внешней политики КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://www.synologia.ru/a/> (дата обращения: 14.04.2019).

Ракетные пуски из Йемена: Эр-Рияд просит СБ ООН действовать на Тегеран. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://easily.com/ru/news/2018/03/27/raketnye-puski-iz-yeмена-er-riyad-prosit-sb-oon-podeystvovat-na-tegeran> (дата обращения: 14.04.2019).

Россия и Гуантанамо: о чем Трамп говорил с конгрессом. 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/01/31_a_11631529.shtml (дата обращения: 14.04.2019).

Си Цзиньпин: Китай и Иран достигли уровня всеобъемлющего партнерства. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://gia.ru/20160123/1363822753.html> (дата обращения: 14.04.2019).

Стратегия экономического развития «Один пояс – один путь». 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://gia.ru/20170514/1494097368.html> (дата обращения: 14.04.2019).

Трамп заявил, что пошлины в отношении Китая работают отлично. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5430065> (дата обращения: 14.04.2019).

Трамп потребовал от Китая немедленно отменить пошлины на аграрную продукцию. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3899391> (дата обращения: 14.04.2019).

Цыганков П. А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014.

Шакарянц С. Вступление Ирана в ШОС – шаг на пути к глобальной Евразии. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2435522.html> (дата обращения: 14.04.2019).

Abdo G. Sorry, Iran, China isn't Going to Save You. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2018-06-27/china-isn-t-going-to-save-iran-s-economy> (дата обращения: 14.04.2019).

Aboufadel L. China Officially Denies Sending Troops to Syria. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.almasdarnews.com/article/china-officially-denies-sending-troops-syria/> (дата обращения: 14.04.2019).

China Warns against Military Action in Syria as Threat of US Strikes Put Everyone on High Alert. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/news/world/middle-east/article/2141144/china-warns-against-military-action-syria-threat-us-strikes> (дата обращения: 14.04.2019).

Iran Responds in Kind to Trump's IRGS "Terrorist" Designation. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/04/iran-responds-kind-trump-irgc-terrorist-designation-190408172250785.html> (дата обращения: 14.04.2019).

Shinkman P. D. Trump Designates Iran's Revolutionary Guard Corps a Terrorist Organization. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usnews.com/news/politics/articles/2019-04-08/trump-designates-irans-revolutionary-guard-corps-a-terrorist-organization> (дата обращения: 14.04.2019).

Trading Economics. Iran Exports. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://tradingeconomics.com/iran/exports> (дата обращения: 14.04.2019).

Trump Administration Expected to Designate Iran's IRGC as a Terrorist Group. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.breakingisraelnews.com/126112/trump-designate-irgc-terrorist-group/> (дата обращения: 14.04.2019).